

КОСИНОГ

MAINSTREAM
представляет книги
БРОМА

ПОТЕРЯННЫЕ БОГИ
ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ
КРАМПУС, ПОВЕЛИТЕЛЬ ЙОЛЯ
КОСИНОГ: ИСТОРИЯ О КОЛДОВСТВЕ

КОСИНОГ:

ИСТОРИЯ О КОЛДОВСТВЕ

Б Р О М

Издательство «АСТ»
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84 (7Coe)-445
Б88

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Brom
Slewfoot: a Tale of Bewitchery

Published by arrangement with Tom Doherty Associates.
All rights reserved.
Печатается с разрешения агентства Nova Littera SIA.

Перевод с английского *Дмитрия Старкова*

Бром.

Б88 Косиног: История о колдовстве : [роман] / Бром ; перевод с английского Д. Старкова. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 480 с.: ил. — (Темные фантазии Джеральда Брома).

ISBN 978-5-17-139443-1

Коннектикут, 1666 г.

В темном лесу пробуждается к жизни неведомый древний дух.

Дикий люд зовет его Отцом, заступником, губителем.

Колонисты зовут его Косиногом, демоном, дьяволом.

Ну, а для Абиты, недавно овдовевшей, отверженной, одинокой и беззащитной перед лицом набожных односельчан, он единственный, к кому можно обратиться за помощью.

Вдвоем они начинают битву — битву язычников с пуританами, грозящую сровнять с землей деревню, не оставив от нее ничего, кроме пепла и пролитой крови.

Наводящее ужас сказание о волшебстве, эта книга украшена более чем двумя дюжинами завораживающих, жутких картин Брома, уводящих читателя в его дикий, безжалостный мир.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-139443-1

Text Copyright © 2021 by Gerald Brom
© Д. Старков, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

*Эта книга посвящается моей матери,
Кэтрин Ширли Бром, всегда говорившей, что я смогу,
когда другие твердили: «Не сможешь»*

*Ступай с оглядкою по сим камням священным:
ведь здесь, в день пятый октября лета 1666,
дьявол, что именуется Косиногом,
погубил 112 добрых жителей деревни Саттон.
Спаси Господь бессмертные их души.*

**Памятник над руинами старого дома собраний
в Саттоне, Коннектикут**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Новый Свет,
Саттон, Коннектикут, март 1666 г.*

Тень в непроглядной тьме.
Шепот...
Снова шепот...
— Нет.
Вновь шепот — тревожный, настойчивый.
— Не слышу. И слышать никак не могу. Ибо мертвые ко
всему глухи.
И снова шепот.
— Оставь меня, тебе сказано.

- *Ты должен, должен проснуться.*
- Нет. Я мертв и мертвым останусь.
- *Ты больше не можешь прятаться.*
- Там для меня ничего больше нет.
- *А кровь?*
- Нет... хватит. Слышать ничего не хочу.
- *Они пришли. Пришли.*
- Вот привязался! Честью прошу: оставь ты меня в покое.
- *Они здесь, у тебя на пороге.*
- И что с того?
- *Мы принесли тебе дар.*
- Я ни в чем не нуждаюсь.
- *Кровь... ты только понюхай, понюхай...*
- Нет. Я ничего не чую. Я мертв.

Однако запах крови, витавший вокруг, пронизывал, пропитывал тень насквозь, и пробужденный им легкий, едва уловимый зуд голода вскоре усилился, сделался нестерпимым.

— О-о, — застонал призрак, — кровь... сладкая, сладкая... кровь...

С этим он поднял веки, зажмурился и снова открыл глаза.

Рядом с ним, на земле, лежал какой-то четвероногий зверь. Не олень, не еще какой-нибудь зверь из знакомых — неведомая косматая тварь с раздвоенными копытами и толстыми витыми рогами. Досталось зверю изрядно: потроха вывалились наружу, глаза часто моргали, дышал он, точно загнанная лань.

Призрак придвинулся ближе. Зверь устремил дикий, безумный взгляд на него, затрясся всем телом, заблеял. Подхлестнутый его страхом, призрак приблизился к зверю вплотную, запустил туманные щупальца в теплое мясо, упиваясь кровью и ужасом.

Еще миг — и призрак начал обретать облик. Живая кровь наполнила вены, за венами настал черед хрящей, костей,

сухожилий и мускулов. Призрак принялся лакать кровь, затем, почувствовав, что у него появились зубы, глубоко погрузил морду в рассеченное брюхо жертвы, вгрызся в парные внутренности, пожирая и плоть, и кости. Толчок в груди, еще толчок, и сердце застучало быстрее, быстрее, и призрак — вернее, уже не призрак, — подняв голову, испустил долгий, протяжный вой.

— *Вот и хорошо*, — сказал некто невидимый.

— Хорошо, — согласился призрак (вернее, не призрак — зверь), впервые с незапамятных, древних времен услышав собственный голос, гулким эхом отразившийся от сводов пещеры.

— *Ты все еще голоден?*

— Да.

— *Еще крови хочешь?*

— Да.

— *Там, наверху, найдется.*

Подняв взгляд, зверь увидел высоко над головой серебристый лучик, проникающий вниз сквозь зев глубокой, неровной ямы.

— *Как тебя зовут?* — спросил некто невидимый.

— Не помню, — отвечал зверь.

— *Вспомнишь. О, еще как вспомнишь... и они — тоже.*

— САМСОН! — прокричала Абита, старательно сдерживая нарастающий страх в голосе.

Шла она быстро, вглядываясь в отпечатки раздвоенных копыт, цепочкой петлявших среди копен сухих кукурузных стеблей. Ясное дело, удрать далеко козел не мог: Абита сама видела эту скотину меньше часа назад. Дойдя до края поля, она остановилась, вгляделась в густую чащу коннектикутских лесов. Деревья даже сейчас, на исходе зимы, когда вся их листва покоится на промерзшей земле, поглощали

свет почти без остатка — дальше сотни шагов ничего впереди не видеть.

— Самсон! — снова окликнула она. — Сэм!

На морозе крики срывались с губ облачками пара. В небе над головой собирались плотные тучи, вокруг смеркалось. Если не отыскать Самсона до темноты, козла наверняка найдут волки либо кто-нибудь из дикарей, однако Абита, зная, как просто живой душе, войдя в этот лес, никогда не вернуться назад, призадумалась. Оглянувшись в сторону дома, она поразмыслила, не прихватить ли с собой мушкет, но решила, что времени на это нет, шумно выдохнула, подобрала подол серой шерстяной юбки, собралась с духом и двинулась дальше, в сумрачный лабиринт зарослей.

Не теряя из виду следов, Абита обогнула хитросплетение ежевичных лоз и, изо всех сил стараясь не поскользнуться в слегка оттаявшей грязи пополам с палыми листьями, спустилась с невысокого откоса. Шипастые ветви цеплялись за длинные юбки и плащ. Одна из них сдернула с головы чепец, и длинные рыжие волосы Абиты вольно рассыпались по плечам. Стоило потянуться за чепцом, нога поскользнулась, и Абита, шлепнувшись наземь, съехала вниз, на дно заболоченного овражка.

— А, дьявол и преисподняя! — вскричала Абита, но тут же опасливо огляделась вокруг. Конечно же, поблизости не было ни души, однако осторожность вошла в привычку: услышит хоть кто-нибудь из сектантов — не миновать ей кары за этакое сквернословие.

Ухватившись за ветку, Абита поднялась, но ветка с треском переломилась, отчего девушка вновь рухнула на четвереньки, а грязь не преминула сдернуть с ног увязшие в ней башмаки.

— Сучий прах! — воскликнула Абита, уже не заботясь о том, что ее могут услышать.

Сплюнув попавшие в рот брызги болотной жижи, она принялась откапывать башмаки, нашла их, выдернула из

трясины, встряхнула раз-другой, но грязь прилипла к башмакам намертво. Счистить грязь тоже оказалось непросто: жесткая кожа больно впивалась в замерзшие пальцы. Когда боль сделалась нестерпимой, Абита оставила эту затею и прижала онемевшие ладони к груди в надежде хоть немного отогреть их.

— Самсон! — вновь позвала она, обшарив взглядом топкое дно оврага и бескрайние заросли.

Как только девушку из Лондона могло занести в эти суровые, неумолимые земли? В глазах защипало от слез, и Абита утерла слезы тыльной стороной запястий, измазав грязью и щеки.

— А ну, прекрати реветь. Ты давно не девчонка, — сказала она и вновь призадумалась.

«Не девчонка, это уж точно: весной двадцать сравняется. Теперь я — женщина взрослая... и вдобавок замужняя».

Наморщив лоб, Абита сосчитала прошедшие месяцы. Почти два года замужем! Уму непостижимо: муж, ферма, пуритане... да-да, особенно пуритане с их аскетически строгим образом жизни. Попробуй-ка с этим смиришься, когда тебя с малолетства собирались отдать в услужение какому-нибудь лорду или леди! Жизнь у прислуги не мед, это уж точно, но тогда ей хотя бы не пришлось опасаться голодной смерти с приходом каждой новой зимы.

«Что, не сложилось, Аби? Не вышло? Не вышло... а все — из-за отца».

Прослышав о королевском пособии, награде родителям невест, выходящих замуж в колонии, отец немедленно продал ее правительству за горсть звонких монет. Девчонка всего-то семнадцати лет, она была обещана в жены одному из колонистов, Эдварду Уильямсу, еще не успев покинуть берегов Англии.

Учитель, отец Абиты настоял на том, чтоб дочь обучилась грамоте вместе с двоими младшими братьями. Посему прочесть свое долговое обязательство, вынимая его из дорожной

сумки во время долгого плавания всякий раз, как ей захочется от души посмеяться или от души поплакать, Абите не составляло труда.

Добродетельная, послушного нрава юная девица, лицом милοвидна, телом пышна, хорошего воспитания, из набожной, благонравной семьи...

«Да уж, в самом деле, благонравной, — думала она, — не считая отца, пропивавшего больше, чем тратит на хлеб, и мамы, сквернословящей складнее любых стихов». Что же касается ее собственной добродетельности... Да, если не обращать внимания на ругань, рвущуюся с языка, нередкое воровство и пристрастие к дракам, невеста для выдачи замуж в пуританскую общину из нее, в самом деле — лучше не придумаешь. Насчет «лицом милοвидна»... если и так, об этом ей, при ее-то бесовском, проказливо задранном кверху носе и щеках, в припадках буйства краснеющих, а на морозе вовсе расцветающих маковым цветом, раньше никто не говорил. И «телом пышна» для сочинителя этой потешки, наверное, означало что-то свое, так как ее чудосочные статьи еще никого из встречных мужчин обернуться ей вслед не заставили. Однако, как только корабль их вошел в гавань Нью-Хейвена, все это разом сделалось совсем не смешно. Как только дело пошло всерьез, у Абиты не осталось ни малейших сомнений: жених отправит ее восвояси, едва разглядит. Но если Эдвард при встрече и был удивлен, сама Абита удивилась не меньше. Человеком Эдвард оказался совсем не таким, какого она ожидала увидеть. Был он симпатичен, может, даже красив, годами десятью ее старше, с буйной копной волнистых темных волос, однако из-за увечья — горба за плечами — ходил согнувшись, точно улитка.

Что он подумал о ней, Абита в то время понять не смогла, так как если Эдвард и был разочарован, то ничем этого не показал. Просто приветствовал ее, сошедшую с корабля, застенчивой улыбкой, а затем, после неловкого рукопожа-

тия и короткого, деловитого знакомства, подхватил единственную сумку Абиты и повел нареченную к запряженной мулом повозке — прочь от причала, в новую жизнь.

«И вот я здесь, — подумала она, — вычерпываю из башмаков стылую грязь да гоняюсь за безмозглым козлом по безлюдному темному лесу».

Донесшийся издали вой заставил разом забыть обо всяких раздумьях. Отчаявшись вычистить грязь из башмаков, Абита сунула в них ноги как есть и с трудом поднялась. Перемазанная в болотной жиже, насквозь промокшая длинная юбка порядком отяжелела, отчего идти стало еще труднее, чем раньше. Опираясь на крепкую палку, подобранную в болотце, Абита принялась искать следы козла и вскоре нашла их. Следы копыт вели к дальнему концу овражка, к россыпи каменных глыб, торчащих над склоном.

Приглядевшись к темным камням, Абита не на шутку удивилась их сходству с огромным трухлявым пнем. Может, это вправду окаменевшие остатки какого-то древнего дерева? Каким же оно было громадным, если оставило о себе память настолько невероятной величины? И тут ей в глаза бросилось еще кое-что примечательное: камни размером поменьше, стоймя расставленные вокруг пня на равном расстоянии один от другого. Общим счетом их оказалось двенадцать. Во всем этом чувствовалось нечто странное.казалось, их расставил кольцом какой-то великан, давным-давно канувший в прошлое и позабытый.

Отпечатки копыт исчезали в яме у подножья окаменелого пня. Видя, что перед нею вход в чье-то логово или небольшую пещеру, Абита приблизилась к яме не без опаски, огляделась вокруг в поисках медвежьих или волчьих следов. Но нет, сырую листву потревожили только копыта козла.

Подойдя ближе, Абита оперлась ладонью о выступ над зевом пещеры и заглянула внутрь. В пещере не оказалось ничего, кроме мрака да тени, однако Абите сделалось не по